

ВИКТОР ВИЗГИН
НИНЕЛЬ ДУЛЬГЕРУ

ВИЗГИНЫ
И ДРУГИЕ

Виктор Визгин
Визгины и другие

«Языки Славянской Культуры»

2014

Визгин В. П.

Визгины и другие / В. П. Визгин — «Языки Славянской
Культуры», 2014

Основанная на документальных свидетельствах и личных воспоминаниях книга посвящена истории семьи Павла Александровича Визгина (1906–1981), начальника разведки Северного флота в годы Великой отечественной войны (1940–1944). В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

© Визгин В. П., 2014

© Языки Славянской Культуры, 2014

Содержание

К семейной родословной: биографические заметки	5
Прадедушка и прабабушка	6
Дед и бабушка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Виктор Визгин, Нинель Дульгеру Визгины и другие

К семейной родословной: биографические заметки

В. П. Визгин

Воспоминаниям о жизни семьи Визгиных начало было положено сестрой. Самая старшая из нас, детей, она уже более полувека живет за границей. Может быть, поэтому сестра первая обратилась к воспоминаниям о далеком прошлом, рассказав о жизни нашей семьи в Киеве, Хабаровске, Полярном и Казани в 30-е гг прошлого века, включая начало войны (1941 г.). Текст ее воспоминаний требовал редакторской работы – сказался длительный отрыв от России и русского языка. Окончив эту работу, я почувствовал потребность рассказать о родословной и о жизни нашей семьи, используя известные мне документы и оживляя документально обоснованный рассказ краткими личными воспоминаниями. В результате возникли нижеследующие заметки. Воспоминания сестры публикуются после них.

Прадедушка и прабабушка

Наш прадед Степан Сергеевич Бирюков родился в 1869 г. Происходил он из крестьян деревни Благовской Троице-Лобановской волости Бронницкого уезда

Московской губернии. Сохранилась его паспортная книжка, выданная бессрочно волостным старшиной в 1912 г. Из нее мы узнаем, что родился он в православной семье, можно даже предположить, что крещен был в Троицкой церкви в селе Лобаново, где и была сделана соответствующая запись о его рождении, потом использованная для выдачи ему паспортной книжки. Из нее же мы узнаем, что был он грамотным, был женат, имел детей, которые (кроме старшей – Агриппины, нашей бабушки) были в нее вписаны.

Человек он был не только грамотный в элементарном анкетном смысле, но талантливый, способный, настоящий самоучка-умелец. Достаточно сказать, что, будучи простым крестьянином, он самостоятельно выучился многим механическим искусствам, освоил немецкий язык и выписывал из Германии научно-технические журналы. Был он изобретателем машин и механизмов для мукомольного дела, в котором достиг впечатляющих успехов, хотя и не кончал никаких техникумов и вузов. До всего доходил своим пытливым умом, сообразительностью и стремлением все делать самому.

Прадедушка был последователем Льва Толстого. Старинные фотографии великого писателя запомнились мне с младенческих лет. На одной из них, сделанной Чертковым, Лев Николаевич предстает в свои преклонные годы с пронзительно-острым взглядом из-под косматых бровей, с легким пушком над покатою лысиной и с огромной седой бородой. На лбу морщины – знак тревоги за судьбу человечества: найдет ли оно путь спасения, обретет ли Бога? И впечатление от этого образа искателя высшей правды на всю жизнь соединилось с послужившими для этой фотографии сопроводительными словами Толстого: «Человеку не нужно загадывать о том, что будет после этой жизни, а в этой жизни стараться поступать по той воле Пославшего нас, которую мы знаем в своем разуме и сердце». Понятно, что авторитет Толстого в семье матери был унаследован от ее деда.

Подростком тринадцати лет Степан Бирюков уехал из родной деревни в поисках работы в большой губернский город – Москву. Он устроился там работать и учиться, начав свой трудовой путь с подмастерья. Это было в начале царствования Александра III. Народовольцы борются с правительством. Жадный до всего нового юноша читает запрещенную революционную литературу. Охранное отделение высылает юного борца с самодержавием из второй столицы империи. И тогда он поступает рабочим на мельницу в деревне Пуношной, что под Ярославлем¹. Здесь и выучился Степан Бирюков мукомольному делу, показав себя изобретательным и энергичным работником. Женился он на красивой безграмотной крестьянке Марии Родионовне Харламовой из соседней с Благовской подмосковной деревни. Мария Родионовна была младше его на два года (родилась в 1871 г.). Агриппина (наша бабушка) родилась в 1888 г., другая дочь, Вера, – в 1890 г, в 1892 г. – Клавдия, сын Михаил родился в 1894-м, а Сергей – в 1896 г. По данным внука Степана Сергеевича, сына Клавдии Степановны, Юрия Александровича Бирюкова (родился в 1930 г.), прадеда пригласил в Печищи в 1895 г. быстро растущий в то время торговый дом «Иван Оконишников с сыновьями». В деревне Печищи, расположенной недалеко от Казани, на противоположном, правом, берегу Волги, Ивану Оконишникову принадлежала большая паровая крупчатная мельница (топливом для нее служил мазут), приобретающая к тому времени широкую известность из-за высокого качества производимой ею муки. В семье Бирюковых говорили, пустить новую, грандиозную по тем временам мельницу Ивану Оконишникову помогла техническая одаренность Степана Сергеевича.

¹ Сообщено его внуком, маминым двоюродным братом Ю. А. Бирюковым.

Сохранился прейскурант мельницы, датированный 20 апреля 1909 г, то есть за полгода до рождения мамы. Воспроизведу его «шапку»: *Прейс-Курантъ крупчатнымъ товарамъ торгового Дома «Иванъ Оконишниковъ съ сыновьями» в Казани.* Обратную сторону прейскуранта украшают снимки различных наград, полученных Оконишниковым на выставках в России и за рубежом за отличное качество муки. Вот, например, золотая медаль Сибирско-Уральской выставки, а рядом – медали с научно-промышленной выставки 1887 г и с парижской 1900 г. Мукомольное дело у него было поставлено действительно по последнему слову науки и техники. Иван Оконишников заботился не только о прибыли для себя и своего дела, но и о своих рабочих и служащих. Вспоминая рассказы мамы, можно поверить, что при определенных условиях и в определенных пределах классовый мир действительно возможен.

Владелец мельницы был человек передовой, умелый организатор своего дела. Он приглашал отличившихся в мукомольной профессии мастеров, работников умелых, честных и сметливых. Наш прадед стал ему известен потому, что был именно таким. И вот сначала сам Степан Сергеевич Бирюков едет к Оконишникову в Печищи, а потом, когда дело сладилось, вызывает к себе Марию Родионовну с детьми. Так к середине 90-х годов XIX в. вся семья прадеда укореняется в деревне Печищи. Степан Сергеевич получил у Оконишникова высшую инженерную должность – был назначен крупчатником. Рядом с высоким зданием мельницы (шестиэтажный кирпичный корпус мельницы был построен в 1895 г, как об этом свидетельствует дата, проставленная наверху на фронтоне, что видно на хорошо сохранившейся фотографии) стоял большой дом для ее персонала. В нем на втором этаже семье крупчатника и была предоставлена квартира. Как вспоминает его внук, Юрий Бирюков, в ее комнатах было четырнадцать окон – достаточно просторная и удобная квартира. Владелец мельницы назначил нашему прадеду немалый оклад – 100 рублей. Из них он четыре рубля платил за квартиру. Остального вполне хватало, чтобы содержать увеличивавшуюся семью. Хозяин мельницы помимо ежемесячного оклада выдавал и премиальные к праздничным дням. Постоянно семья прадеда получала в подарок от него мешок первоклассной, «голубого клейма», пшеничной муки (большой мельничный мешок весил 5 пудов, то есть 80 кг). Поэтому в его семье привыкли к самым различным мучным изделиям – пирогам, ватрушкам, коржикам, плюшкам, кренделькам и калачам. Зерно, мука и хлебопродукты самого разного рода определяли не только кулинарные вкусы, но и, можно даже сказать, ведущую ось работы и жизни всей большой семьи, что затем передалось и в семью наших бабушки и дедушки, о чем нам ярко и красочно рассказывала мама – «Катя-с-мельницы». Волга с ее незабываемой красотой, фольклором, прибаутками и хлеб во всех видах – вот характерные реалии жизни нашей матери, ее родителей и ее дедушки с бабушкой.

Степан Сергеевич Бирюков прожил довольно долгую и деятельную жизнь. Мастер на все руки, он никогда не сидел без дела. Был абсолютно непьющим и некурящим человеком. Следуя учению Толстого, не употреблял животной пищи. У него были твердые привычки, унаследованные от его крестьянских корней, и строгие правила жизни, к которым он пришел сам. Его внук и наша сестра рассказывали, как он, например, ел огурцы. Остро наточенным ножом аккуратно разрезал огурец. Посыпал поверхности мелкой солью и тщательно растирал ее рукой. Затем клал посоленные дольки на края граненого стакана и выжидал, когда соль впитается. Только после этого не спеша ел приготовленный огурец с черным хлебом. Степан Сергеевич все делал сам – в том числе умел шить одежду. Например, своей Марии Родионовне шил платья и жакеты.

«Я ее помню, – пишет о нашей прабабушке сестра, – в темно-синем выгоревшем байковом платье, в белом платочке, очень живую (в молодости была красивой). А прадед – степенный, рассудительный. В его комнате за столом я иногда обедала. Чистенький стол, окошко на Волгу» (письмо от 2.11.1992). Видимо, это байковое платье было сшито для Марии Родионовны нашим прадедом. Он сам по всем правилам сделал себе лодку и постоянно, когда у него

было свободное время, рыбачил на Волге. Ведь семья жила у самого берега. И накат волжской волны от проходивших мимо барж и пароходов отпечатался в душах детей с младенческих лет.

Конечно, прадед шил себе сам и обувь, тачал сапоги, не говоря уже об одежде. Был он человеком сдержанным, во всем знавшим меру и такт, доброжелательным и мудрым. Одним словом, в нем жило могучее, трудовое, крестьянское начало, но очищенное от его пагубных сторон – от табака и водки. На пенсию он вышел в 1933 г., и тогда же ему пришлось съехать с казенной квартиры. Семья переселилась в другой дом, стоящий выше над Волгой. Во время войны в этом доме жили в эвакуации и мы. Умер Степан Сергеевич Бирюков как раз тогда, видимо заразившись дизентерией (в июле 1943 г.). Прабабушка, совсем не на много его пережившая, даже будто бы почему-то не пошла на его похороны. Рассказывают, что Мария Родионовна решила на поминках мужа «хоть раз наесться досыта». В результате переела и умерла через два-три дня после смерти прадедушки. Была она женщиной с сильным, смелым и решительным характером. Однажды когда она переезжала в Печищи из-под Ярославля с маленькими детьми, то привязала их полотенцами, чтобы не потерять в дороге. В молодости, да и потом, у Марии Родионовны были густые кудрявые волосы и сильный голос. Она хорошо пела русские народные песни и романсы. С фотографии, сделанной перед Первой мировой войной, видно, какая это была сильная и гордая женщина.

В семье Степана Сергеевича Бирюкова было пятеро детей. Вера, которую я хорошо помню потому, что она часто приезжала к нам в Москву, работала научным сотрудником в сельскохозяйственном научно-исследовательском институте в Немчиновке (НИИ-СельХоз), недалеко от нас (мы жили тогда на Можайке). Там же, в Немчиновке, она и жила. Вера Степановна окончила Петровскую сельскохозяйственную академию и занималась почвоведением и разработкой химических методов борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур. После окончания Петровской академии она преподавала почвоведение в сельхозтехникуме в Рыбинске. Высокого роста, худая, необыкновенно энергичная и деловая, она обрушивала на нас свой пафос опытного агронома-исследователя, работающего на передовом фланге науки. Будучи уже далеко не молодой, после 60 лет, она успешно защитила диссертацию по своей теме. Всегда подвижная, говорливая, загорелая, потому что много времени проводила в поле, она осталась в памяти подвижницей научной агрономии.

Внук Степана Сергеевича рассказывает, что Вере, когда она после окончания гимназии захотела учиться дальше, ее отец отказался дать для этого средства: «Зачем девке учиться – все равно ведь замуж пойдет!» Видимо, здесь проявилась не только его бережливость, но и личный опыт жизни с безграмотной супругой. Кроме того, в свое время он дал деньги на учение старшей дочери, Агриппине, а она, окончив частную гимназию в Казани, тут же вышла замуж, и ее обучение, как он считал, не пригодилось ей в жизни. Поэтому путь Веры Степановны к науке был долгим и извилистым. В результате она приобрела огромный практический опыт. Будучи студенткой Петровской академии, Вера работала в Полтавской губернии, где измеряла земельные наделы. Однажды, было это во время германской войны, местные бабы приняли ее за австрийскую шпионку. Проезжавший мимо на велосипеде мужик убедительно разуверил подозрительных баб: «Какая же она австриячка! Она же настоящая русская, а вот вы – хохлы!» Работала тетя Вера и на Урале, в Башкирии, рассылая книги почтой. Во время страшного голода в начале 20-х гг. в Поволжье Вера Степановна вместе с сестрой Клавдией Степановной организовала коммуну в Шишланове (под Тутаевом в Ярославской губернии). Они взяли с собой и нашу маму с братом Сергеем. Жизнь на приволье на Верхней Волге, где не было такой смертоносной засухи, как в Среднем и Нижнем Поволжье, спасла их. Здесь они держали коров, лошадей, поросят и овец, обрабатывали землю, разводили домашнюю птицу. Овцы, как рассказывала мама, были романовской породы – с длинной шерстью. Но главным было молочное животноводство. Отличной породы коровы давали прекрасное молоко, из которого домашним образом, вручную, изготавливали замечательные молочные продукты – сметану,

масло и т. п. Мне запомнились поэтические рассказы мамы о вольной и трудовой одновременно жизни под Тутаевом. Помню, она говорила, что у молодой тогда тети Веры муж был белым офицером, скрывавшимся от красных. Я сейчас уже подзабыл детали, но семейная жизнь Веры Степановны, как, впрочем, и ее сестры Клавдии, не сложилась. У Веры были две дочери, которые жили в Курске, – Ирина и Лена (Елена Назаренко). Вот и все, что я помню о ее семейной жизни. Умерла Вера Степановна в 1980 г в возрасте 90 лет.

Клавдия Степановна была младше Веры на два года (родилась 7 января 1892 г). Училась в вечерней гимназии в Москве в то же самое время, когда здесь в техникуме учился ее брат Михаил, помогать которому и послал ее наш прадед. Личная жизнь, как и ее сестры Веры, у нее также не сложилась. В 1930 г. в Москве у нее родился сын Юрий, которого она воспитывала одна, что в те годы особенно было нелегко. Потом вернулась в родные волжские места, училась в Казани и в соседнем Услоне, а потом устроилась на работу лаборанткой на печищинской мельнице. В годы эвакуации мы жили вместе с нею. Потом тетя Клава не раз приезжала к нам в Москву, где с семьей жил ее сын. Говорила она с оканьем и характерной волжской акцентировкой некоторых конечных согласных. Замечательная, сильная женщина! Был у нее острый народный ум, выносливость необыкновенная, сила духа. Прожила долгую жизнь. Последние годы жила у сына в Москве, где и умерла в 1983 г в возрасте 91 года.

Михаил Степанович родился в 1894 г Учился в техникуме в Москве. В годы войны дослужился до прапорщика и в 1916 г пропал без вести на фронте. Денщик привез домой в Печищи его личные вещи.

Самый младший сын Степана Сергеевича Бирюкова – Сергей (родился в 1896 г.). Как и его отец, он был толстовцем, получил экономическое образование. Неудачно женился. Была у него дочь Наташа. Запомнился в нашей семье мамин дядя тем, что писал стихи и переводил с татарского языка. Приведу сведения о нем, сообщенные мне тетей Клавой (ее в нашей семье звали Кавой): «Ты спрашиваешь о дяде Сереже, его стихах. Свои стихи он писал в молодости, мне помнится, что они были полны пессимизма декадентского оттенка. Вспоминается такое:

*Я чувствую: будет упущено многое.
Настали осенние дни с полутьмой,
И веют и веют в жилище убогое
Холодные ветры холодной зимой.
Есть в городе башня – громадное здание,
И много ступеней, и поднятый шпиль...
Прочти – там написан закон мироздания, —
Склонясь в глубину сокровенных страниц...*

А позднее он переводил с татарского, просто подрабатывал» (из письма от 20.3.1993). А сестра запомнила совсем другое стихотворение мамино дяди:

*Жил-был Кролик молодой,
Белый, точно вата,
Глазки несколько косы,
Ушки длинноваты.*

Видимо, в семье прадеда витал дух русского слова, в том числе и стихотворного. Недаром ведь многие представители Бирюковых и Федоровых следующих поколений стали преподавателями русского языка и литературы. Мама рассказывала, что в семье у них были комплекты приложений к журналу «Нива», содержащие собрания сочинений русских писателей. У меня сохранились лишь разрозненные остатки их библиотеки, например три тома детской энциклопедии.

лопедии начала XX в. с превосходными цветными иллюстрациями под тонкой папиросной бумагой. Войны и революция, бытовые неурядицы и переезды не способствовали сохранности накопленного культурного богатства.

Сестра вспоминает, что дядя Сережа из-за своих пацифистских убеждений (толстовец!) выбросился из окна, чтобы не идти на фронт Первой мировой войны. Стал инвалидом. Умер от рака мочевого пузыря в 1956 г.

Дед и бабушка

Наша бабушка (Агриппина Степановна, бабушка Груня) окончила частную гимназию в Казани. Вскоре после ее окончания вышла замуж за Михаила

Сергеевича Федорова, работавшего на мельнице Окопишниковых бухгалтером.

Михаил Сергеевич Федоров, наш дед, родился в 1880 г. Он происходил из старообрядческой семьи, жившей в селе Имбулатово (или Ямбулатово, как пишет тетя Кава) Симбирской губернии. Семья занималась земледелием. О прадеде по линии отца матери мне ничего не известно. Знаю только, что у него было три сына – Петр, Михаил и Василий, а также дочь Анна. Младший брат Василий был на фронте во время Первой мировой войны. Вернулся домой с ампутированной ногой. И вскоре умер.

Где учился Михаил Сергеевич – неизвестно. Он перебрался в Казань к своему старшему брату Петру Сергеевичу. Петр Сергеевич первым уехал из родного Имбулатова в Казань. Видимо, и в данном случае его туда притянула возможность получить достойное место на мельнице Ивана Окопишниковых. Он поступил к нему на службу, но сам жил при этом в Казани, где имел свой дом, двухэтажный с полуподвалом, на улице Первая Гора. Работал у Окопишниковых заготовителем зерна и сбывал произведенную на мельнице муку². Жил богато, в полном достатке. О его жене у меня сведений нет. У него в семье было четыре дочери – Ольга, Екатерина, Валентина и Матрена (Мотя). Последние три жили в Казани, а Ольга Петровна, тетя Оля, как мы ее звали (родилась в 1904 г.), работала в Москве в коллекторе библиотеки Академии наук и была частым и добрым гостем у нас в семье. Жила она одиноко. У нее была комната на улице Чайковского, а потом – на улице Кравченко. Я ее хорошо помню – несколько рябоватое лицо (рябинки, видимо от пережитой оспы, отмечали лицо и нашего деда, Михаила Сергеевича Федорова), немного полноватая, очень добрые и милые глаза и улыбка. Она жила и работала в мире книг и снабжала нас книжными новинками тогда, когда книги нелегко было доставать – страна в то время читала запоем. Запомнились подаренные ею полные серии научной фантастики, приключенческая литература и т. п. Жаль только, что это богатство пришло к нам слишком поздно – мы уже тогда стали взрослыми, чтение давно выбирали себе сами и такую литературу практически больше не читали. Мама очень любила свою двоюродную сестру Олю. Была она болезненной и рано умерла. Скончалась 23 июня 1971 г. От нее к нам перешли часть ее книг и большой книжный шкаф из настоящего дерева, который и теперь с нами и по-прежнему полон книг. Ее сестры, которые жили в Казани, тоже уже давно умерли. Мы никого больше не знаем из семьи нашего деда Михаила Сергеевича Федорова. Можно сказать, что волею судьбы с Бирюковыми мы сблизились гораздо теснее, чем с Федоровыми, и до сего дня я звоню Юрию Александровичу Бирюкову, двоюродному брату мамы, живущему в Москве и бывавшему не раз у нас в доме, включая и относительно недавние годы, когда приезжала сестра из Румынии. А вот Федоровы остались от нас достаточно далекими. Так уж сложилась жизнь.

Михаил Сергеевич Федоров, как уже было сказано, приехал из родной симбирской деревни в Казань к старшему брату Петру. Брат помог ему устроиться на мельнице в Печищах. Сначала он работал там простым рабочим. Когда же в 1908 г. женился на Агриппине Степановне Бирюковой (она тогда недавно окончила гимназию, ей было 19 лет), то работал уже счетоводом, а потом дослужился и до бухгалтера. Ему была предоставлена хорошая квартира в каменном доме на территории мельницы. Квартира находилась на третьем этаже.

Истово верующий христианин-старовер, страстный рыбак и охотник, тонко чувствующий природу, – таким был наш дедушка. У нас сохранилась одна старая фотография, сделанная на

² О том, как на Волге в XIX в. работала хлеботорговля, современный читатель может узнать из замечательной книги В. П. Зубова «Хроника Зубовых и Полежаевых». М., 2010.

охоте. Снимок этот недостаточно четкий. Но в глубине кадра видна большая река, и на берегу стоит охотник с характерной бородой. Мы с сестрой считаем, что на этой фотографии изображен наш дед. Любитель дикой природы, заботливый отец семейства и в то же время ответственно, неукоснительно четко исполняющий свои профессиональные обязанности служащий, Михаил Сергеевич Федоров олицетворял культуру и ментальность волжских старообрядцев. Видимо, многое от него передалось нашей маме, а от нее и нам: семейственность, внимание к деталям, «мелочам» (бухгалтер!), нелюбовь к «чужим», подозрительность и, быть может, чрезмерная осторожность в общении с ними – не-домашними. Ведь в православной среде староверы были замкнутой кастой:

*Чашки, ложки, чугуны!
Староверы – колдуньи!*

Эту дразнилку, обращенную и к ней самой, и к ее родным, мама запомнила навсегда. Ее семью как старообрядческую отделяла от основной массы населения

России духовная грань, исторически давно сложившаяся. Старая вера поскольку была гонимой, постольку была и более строгой, более педантичной, даже «фанатичной». Правда, строгость старообрядческого уклада жизни смягчалась нашей бабушкой, происходившей из православной семьи, хотя по взглядам своим она была достаточно свободомыслящей. Ведь уже ее отец был толстовец и брат Сергей – тоже. Но сам Михаил Сергеевич Федоров неукоснительно каждое воскресенье ездил на своей лодке в Казань в старообрядческую церковь на службу. Брал ли он туда своих детей? Кажется, нет. Мама об этом не вспоминала. Но рассказывала, как он ранехонько, затемно вставал и не спеша, основательно собирался в свою церковь за Волгой. Живой интерес и симпатию к старообрядцам мама сохранила на всю жизнь. Помню, как зачитывалась она книгами Мельникова-Печерского. Потом и я с наслаждением погрузился в эту поэтически преломленную писателем стихию старой волжской жизни как во что-то очень далекое, но в то же время такое изнутри родное и близкое.

Однажды в 1915 г. вся семья Федоровых поехала в Казань фотографироваться. Возможно, это было в художественном фотоателье «Рембрандта», что находилось на Воскресенской улице. Именно в этом фотоателье на модном в начале XX в. альпийском горном фоне снималась наша прабабушка Мария Родионовна. От той поездки Федоровых в фотографическую мастерскую сохранился снимок. Альпийский фон здесь отсутствует. Семейство Федоровых запечатлено в обычном интерьере – гардины и окно справа, стена с овалом картины в раме слева. Отец семейства сидит у окна на стуле. Мать, как и положено матери, стоит над своими детьми – старшей Катей и младшей Клавой, рядом с которыми на игрушечной лошадке сидит совсем еще юный Сережа – тогда их единственный брат. Сестры Тони нет – еще не родилась. Но, кажется, бабушка уже носит ее «в животике». Так что – полный аншлаги, все в сборе (кроме самого младшего Пети, который родится в 1917 г.). Это еще счастливые годы – семья растет в достатке и в заботе родителей о детях. Дети ухожены, в красивых однотипных костюмчиках с отложными воротничками одного тона у всех. У маленького Сережи – новенькие кожаные ботиночки, короткие штанишки и темные чулочки. Михаил Сергеевич – в хорошей пиджачной тройке с галстуком. Аккуратная бородка клином и усы. Темно-русые, может быть, даже рыжеватые с легкими сединками волосы зачесаны назад. Агриппина Степановна стоит в белой нарядной блузке и длинной темной юбке. Прическа несколько приподнятая. Волосы отведены назад.

Мне хочется сравнить, глядя на эту фотографию, выражение лиц бабушки (урожденной Бирюковой) и дедушки (из старообрядческой семьи Федоровых). Бабушка спокойна, никакого напряжения в ней не чувствуется. А вот у Михаила Сергеевича руки сжаты в кулаки и во взгляде ощущается и большая собранность, и какое-то напряжение. Может быть, в этом и

состоит различие между православными и старообрядцами? Спокойствие большинства, определяющего духовное лицо империи, и беспокойство гонимого меньшинства, вынужденного выживать в чуждой им среде («староверы – колдуны!»).

Итак, бабушка – с гимназическим образованием, дедушка – главный бухгалтер на передовой мельнице, известной не только по всему Поволжью, но и за границей. Семья может хорошо воспитывать детей, жить в достатке и правильном порядке. Это время осталось в памяти старшей дочери светлым, необыкновенно разнообразным и счастливым. Навыки к рукоделию, вышивкам, к уходу за цветами и домашними животными, а главное, привычка заботиться о младших – все это вошло в характер мамы с дореволюционного детства. Любовь к сказкам, книгам – все отсюда. Хорошая русская речь, поэтическое воображение тоже отсюда. Но потом все резко, жестко обрывается.

Преддверием к катастрофическим временам стала война германская. С нее не вернулся мамин дядя Миша. На фронте был тяжело ранен брат нашего дедушки Василий, который вскоре после этого умер. А потом смерть еще обильнее косила родных и близких. Пришла революция. Паровая мельница Ивана Оконишникова национализируется. Квартиры уплотняются. Надвигаются голод и эпидемии. В 1921 г. тиф уносит нашего дедушку, Михаила Сергеевича Федорова, и семья, оставшись без главного ее кормильца, теряет последний оплот своего благополучия. На Среднее и Нижнее Поволжье обрушивается невероятная засуха и страшный голод. Простое физическое выживание становится главной проблемой. Если до революции в семье, можно сказать, «купались» в выпечках, пирожках, крендельках и сдобах, то теперь мучное изобилие обернулось дырявыми пыльными мешками, которые мать латала при тусклом свете, портя зрение. От этой работы в пыли у нее, видимо, впоследствии и развился гайморит.

В последующие годы бабушка не раз была с нами – помогала маме в воспитании детей и домашнем хозяйстве. Ни в Киеве, ни под Хабаровском на базе Амурской флотилии, где во второй половине 30-х гг. служил папа, ее с нами не было. А вот в Заполярье она приехала – тогда родился я, и мама особенно остро нуждалась в помощи, потому что папа был очень занят на службе. Остаток жизни своей бабушка жила с нами. Умерла она 27 мая 1947 г. в Краскове, под Москвой, где мы жили после войны перед тем, как перебрались в 1948 г в Москву. Похоронена на Красковском кладбище. Сестра говорила, что, когда она с мужем в 2000 г. была в Краскове, могилу ее ей найти не удалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.